

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Уже не в первый раз ей снился этот сон. Высокий, просвеченный солнцем лесок, песчаная дорожка, ведущая к невидимому отсюда тракту. Шумит ветер, предсказывая скорый закат. По дорожке едет бричка, но кто ею правит, неясно... Вот слева показалась поляна — она так обрадовалась возможности прогуляться, размять занемевшие ноги...

— Таки не торопись, красавица, — голос неведомого спутника был полон яда, — не торопись, не поляна это, пески зыбучие. Не будет тебе спасения, коли решишь ты прогуляться по полянке этой зеленой...

Голос утих, заглушенный то ли ее страхом, то ли ветром, расшумевшимся не на шутку. Но страх остался. Страх не за себя — за того самого, единственного, кто, похитив ее сердце, вдруг исчез из жизни. Она отчетливо помнила, что обещал вернуться во что бы то ни стало, только не могла вспомнить, когда же.

— Господи, — прошептала она, — сделай так, чтобы он вернулся невредимым.

И сон этот видела она не в первый раз, и не в первый раз молила, но вот того, о ком была ее молитва, никогда не видела, даже во сне. Лишь помнила, что без него ей и жизни нет.

— Журавская, дружочек, проснись...

Она в ответ лишь застонала. Сон не отпускал, держал липкими лапами, уволакивал в пучину.

— Лиза! Лиза, проснись!

Тамара Накашидзе неласково трясла Лизу за плечо. Наконец та открыла глаза.

— Что? Что случилось?

— Ты стонала. Так стонала...

Девушка села на постели и прижала ладони к вискам — голова болела, сердце колотилось, круги перед глазами медленно гасли.

— Опять тот же сон, опять...

— Бедняжка... — подруга погладила Лизу по плечу.

Серое утро властно входило в свои права, освобождая Лизу от кошмара. Вот в дальнем конце коридора зазвучали шаги и пронзительный голос наставницы второго класса разогнал сонную тишину:

— Медам, доброе утро! Пора вставать!

— Ну почему у синявок такие противные голоса? — Тамара поморщилась.

Конечно, противные голоса были вовсе не у всех синявок. Второму классу не повезло больше, чем всем остальным: мадам Орловская некогда мечтала об оперной карьере и ее колоратурное сопрано немало досаждало всему институту.

Классной же дамой у выпускниц была мадам Рощина — умная и весьма терпеливая особа, не так давно окончившая Смольный институт, вышедшая замуж и вместе с мужем переехавшая сюда, в теплую и гостеприимную Одессу. Однако и ее голос, мягкий и спокойный, по утрам казался пронзительным, как паровозный гудок. И таким же безжалостным.

— Странно, что мадам Орловская уже пришла.

— Что ж тут странного?

— Милочка, она же приходит в дортуары самой последней из классных наставниц. А вот наша мадам что-то запаздывает...

Девушки стали неохотно покидать постели. Какими бы узкими ни были кровати, какими бы тонкими ни были подушки, но это все же казалось неким подобием уютного гнездышка, где можно до утра спрятаться от муштры, строгого распорядка и придиричивых взглядов классных наставниц. Хотя вот насчет придиричивых взглядов...

Лиза усмехнулась: это было не о мадам Рощиной. Та, вне всякого сомнения, видела все, что вытворяли ее воспитанницы, — видела, понимала и всегда стояла за девочек горой. Да и понятно — Настенька Энгельгардт, а ныне мадам Рощина, как уже говорилось, окончила Смольный институт не больше десяти лет назад. Должно быть, те годы были еще вполне живы в ее памяти, как были живы и желания, которые обуревали ее и ее подруг в годы учебы, особенно в выпускном классе. А уж о том, как Настенька влюбилась в капитана Рощина, как трижды сбегала к нему, как оканчивала институт под опекой самой императрицы, — о, об этом до сих пор девушки перешептывались в умывальнях. Время пошло на пользу милой Настеньке, она стала менее дерзкой и резкой, научилась идти на компромисс, но осталась дамой решительной и не медлящей ни секунды в тех случаях, когда дело считала правым.

«Господи, да нам молиться надо на нее, а не синявкой обзывать, — покаянно подумала Лиза. — Сколько раз она выгораживала нас, сколько раз защищала! Сколько раз вместе с нами выслушивала нотации госпожи начальницы. И при этом считает нас отличными ученицами, не раз говорила, что лучших выпускниц у нее еще никогда не было... Забавно, но то же самое уже дважды повторила сама госпожа Чикунанова, а ее слово ох как много стоит! Не зря же она сан-фасон вхожа в Опекунский совет и даже, сказывают, не раз была принята

императрицей Марией Федоровной... Говорят, наша Матушка¹ неоднократно обсуждала с ней насущные потребности института, хотя ах как далека наша теплая Одесса от столицы, а у Опекунского совета никогда отказа не знала. А мы их все синявками обзываем да прозвища нелепые даем...»

— Что поделать, — пожала плечами Тамара, — дети жестоки.

— Я что, вслух рассуждала?

— Да, душа моя. Вслух.

— Ну и ладно, бог с ним. Однако, Накашидзе, мы-то уже не дети. Семнадцать — это тот возраст, когда хоть крохи разума, но должны все же появляться в головах.

— Ты права, душенька. Крохи разума, как верно сказано. Но давай уже будем умываться. А не то и всех сил мадам Рощиной не хватит, чтобы нас от наказания спасти.

— Ты права, душенька. — Лиза встала.

В дортуаре было привычно свежо, но за долгие восемь лет девушки уже привыкли и к ощутимым сырости и холоду зимой, и к не менее ощутимой жаре летом. Тамара набросила на плечи накидку, которая в институте заменяла и халат, и шлафрок. Удивительный, непередаваемо унылый цвет ткани, серо-сиреневый, навевал мысли о бесконечных днях сырой бесснежной зимы, однако та же мадам Рощина смогла убедить начальницу, и девушкам было дозволено не только сделать накидки подлиннее, но и украсить их вязаными цветами и лентами, сообразуясь с личным вкусом каждой выпускницы. При этом, конечно, все делалось собственными руками.

Лиза завязывала ленты и вспоминала, что вот с «собственными руками» вышел некий конфуз. Преподава-

¹ Матушка — здесь: начальница института (от фр.). (Здесь и далее примеч. автора.)

тельница домоводства мадам Ланская была умница и рукодельница. Одно плохо — учить не умела совершенно. Она показывала только один раз, а потом все чаще сердилась и кричала, что более безруких девиц свет еще не рождал. Терпения показать второй раз, даже как вдевать нить в иглу, у нее не было, поэтому все та же мадам Рощина, которой в свое время, похоже, досталась настоящая учительница в нелегком ремесле домоводства, показывала по сто раз самое простое, не утомляясь, не скандаля и, о счастье, весьма доходчиво. Но и после этого далеко не все ученицы выпускного класса могли похвастать умением просто пуговицу пришить или пелеринку разгладить.

До отрадного дня, когда в печах загудит веселый огонь и станет хоть чуть теплее, оставалось еще долгих две недели — строгая Матап педантично следила за тем, чтобы впервые печи топились только после Дмитрия, сиречь после Дня памяти святого Дмитрия Солунского. В Санкт-Петербурге, сказывали, градусник уже честно показывал минусовые температуры, Нева бралась льдом все пуще. Нынешняя начальница института во всем следовала примеру далекого Смольного, повторяя: рано еще, не следует воспитанниц баловать. Здесь, у теплого моря, конечно, морозов не было, но утра стояли сырые и стылые, протопленная печь очень была бы к месту. Упорство Матап мог преодолеть только преподаватель Закона Божьего, громогласный и рослый отец Димитрий.

— Матушка-наставница, — гудел он в бороду, — да разве ж сие по-христиански? Уж до Рождества рукой подать, а в стенах учебного заведения, словно в карцере тюремном...

Однако Матап, как ни упорствовал отец Димитрий, пока держалась стойко. Девушки с нетерпением наблюдали, как на заднем дворе служитель и новый садовник кололи дрова, как складывали их поближе к двери для

прислуги. Но наколотые дрова пока оставались под навесом. Заканчивался ноябрь. И если в дортуаре было просто холодно, то в умывальной зуб на зуб не попадал, а вода, казалось, обжигала.

— Терпите, машерочки, — всегда повторяла мадам Рощина. — От холодной воды прекрасный цвет лица и замечательно красивая кожа делаются.

Это была чистая правда — у мадемуазель Энгельгардт, которая стала мадам Рощиной, и в самом деле был чудесный цвет лица и гладкая бархатная кожа. Огромные серые глаза освещали все вокруг, а две толстые косы пепельного цвета, которые она по давней привычке не собирала в затейливые прически, делали ее сверстницей своих учениц. А уж фигу-у-ура...

Тамара Накашидзе, высокая и склонная к полноте, раз за разом давала себе зарок, что будет каждое утро делать гимнастику, чтобы «походить на машерочку мадам Анастасию». Увы, по утрам никогда на это не хватало сил, а вот в родственные дни в институт частенько заглядывали земляки Тамары, передавая ей от приемного отца сласти и лакомства, которые вовсе не помогали удержать фигуру в рамках дворянских приличий.

Лиза торопливо умывалась и неторопливо размышляла. Обычно этот до странности страшный сон возвращался к ней в дни тревожные, чаще перед тяжелым и особенно неприятным экзаменом. Но сейчас-то отчего? До Рождества еще далече, а значит, и до экзаменов, из дому вести приходят спокойные, вернее, вовсе никаких вестей. Матушка шлет записочки пустые и веселые, кузены пишут из училища лишь о своих глупых мальчишеских проделках. Да и здесь, в институте, пока что не затевается никаких каверз. Удивительно, но даже с самыми вредными классными дамами установилось нечто поразительно похожее на перемирие.

Размышляла, но ответа не находила. Она решила, что недурно было бы посоветоваться с кем-то из «умных», перфеток... Но, с другой стороны, умные могут поднять ее на смех — на дворе-то конец просвещенного девятнадцатого века, а она о сне своем хочет посоветоваться, понять, что так тревожит ее душу. Хотя перфетки от глупого усердия поднимут ее на смех, а вот машерочки, по-настоящему умные и тактичные, помогут и высмеивать не станут.

— Да, душенька Журавская, — задумчиво проговорила Варя Гижицкая. — Непростой это сон, Христом Богом клянусь.

Варя перекрестилась. Вот уже второй год она и Катя Лорер усердно обожали преподавателя Закона Божьего и потому считались крупными специалистами во всем, что было связано с высшими силами и движениями души.

До начала урока — естествоведения, а не Закона Божьего — оставалось еще несколько минут. Девушки шушукались за высоким щелястым шкафом. Пусть и не весьма усердно, но в классах уже топили, и поэтому секретничать здесь было куда уютнее, чем в дортуаре.

— И когда в первый раз тебе этот сон приснился?

Лиза честно задумалась. По всему выходило, что прошлым летом. Хотя, может быть, тот летний сон она просто лучше всего запомнила — ведь и вокруг их загородного дома в Крыжановке рос такой же пронизанный солнцем лесок. Мимо дома пролегалла точно такая же дорога, а недалеко, возможно, в паре часов неторопливой ходьбы, уже ближе к лиману, незваных гостей и впрямь ждало болотце, издалека выглядящее гостеприимной зеленой поляной.

— Так точно прошлым летом? Не осенью, не весной? — Гижицкая мертвой хваткой вцепилась в узкую руку Лизы. — Подумай как следует. И когда, если летом? В каком месяце?

— А это какое значение имеет? — Лиза удивленно взглянула в лицо подруги.

— Да я б и час, когда сон ты свой увидела, желала бы знать, а уж день недели и вовсе, несомненно, нужен. Как же иначе попытаться сновидение растолковать? И луна где была, знать надобно...

— Гижицкая, машерочка, зачем? И откуда ты все о снах-то знаешь?

— Журавская, душенька, — Варя покровительственно похлопала Лизу по плечу. — Чтобы внимание господина Годунова привлечь, ох как много разного знать-то надобно. Мы с мадемуазель Лорер вначале даже соперничать пытались, бороться за внимание Дмитрия Ильича, как кофульки какие безмозглые. То волос с его рясы снимем да делить пытаемся, то, стыдно сказать, хотели вырезать клин с подкладки пальто. Полгода как дурочки лапотные... А только потом, перед прошлым Рождеством, он сам нам сказал, что уважает тех людей, которые знают много, и что с девушкой, у которой голова пуста как горшок, он и разговаривать не станет. Как же нам его обожать, раз он говорить с такими не желает? Вот и решили мы, что следует нам и учиться лучше всех, и читать поболее многих. Просто чтобы он нас заметил.

Лиза кивнула — Гижицкая и младшая из сестер семейства Лорер и в самом деле за последний год неузнаваемо изменились: учились истово, всю немалую библиотеку институтскую перечитали. А ведь об учреждении да пополнении библиотек сама императрица Мария Федоровна радела — просветительница, о подданных что ни день исправно пекущаяся. Мало того, трое из четырех старших братьев Аннушки Юшневской по очереди носили в институт книги — учебники университетские и просто из домашней библиотеки все, что под руку попадается. И попадалось, судя по всему, немало. Маман, видя

такое усердие девушек и, как многие были уверены, зная его природу, в учебе нисколько их не ограничивала и даже повелела мадам Рощиной по первому же требованию выдавать новые тетради, дабы девушки могли все необходимое записывать.

«Ну что ж, надо так надо...» Лиза присела на подоконник, что делать было не просто категорически, а строжайше запрещено, и задумалась. Да, должно быть, в самом начале летних каникул, возможно, через неделю или через две после того, как ей повезло сменить институтские стены на родной дом... Повезло потому, что за ней самолично приехала матушка и забрала вместе с вещами в имение, написав в огромной книге начальницы, что берет дочь под свое покровительство на все каникулярные дни до двадцатого числа августа месяца одна тысяча восемьсот семьдесят шестого года.

Конечно, о таком Лиза и мечтать не смела — чтобы на все каникулы да прочь из постылых институтских стен. Однако госпожа начальница затеяла перестройку зимнего сада и корпуса с дортуарами, и потому всех, кого могли забрать родные, под подпись отдала. А вот тех, кому до родного дома ехать было далече, отправили на казенную дачу — была и такая. Старое поместье в Люстдорфе, оставленное госпоже начальнице, ее высокопревосходительству мадам Чикунановой, ее дядюшкой, Матап превратила в летний дом для пансионеров. Девушки из старшего класса прошлой зимой рассказывали, что дача была вовсе не казенная, начальница в свой дом пускала институток, однако содержание дачи приходило от казны. Одним словом, пансионерки летом отправились на казенную дачу, а одесситки вернулись на пару месяцев в семью.

Первые несколько дней Лиза гуляла по загородному дому так, словно не была здесь никогда, — вспоминала запах из кладовой при кухне, ароматы матушкиных

саше, скрип калитки за цветником, ощущение бесконечности при взгляде на всегда спокойное море, особенно прекрасное, если смотришь на него из окон библиотеки... Да, верно, а когда вспомнила все тропинки, что вели прочь из поместья, вернулась в дом, решив устроить долгую прогулку по второму этажу, где никто не жил, — со времен матушкиного деда здесь были курительные, огромная библиотека и бильярдная. После смерти отца в бильярд играли редко, только когда кузены-близнецы приезжали погостить, в доме никто не курил, лишь иногда матушка заходила за новым романом. Так что весь огромный старый дом в минуты одиночества принадлежал ей, Лизе.

Паркет в библиотеке был темно-шоколадным, кресла и козетки обиты неярким английским ситцем, высоченные шкафы закрыты цветными стеклянными дверцами. Дедушкин брат старался подражать Михайле Ломоносову, изобретал рецепты цветного стекла, а бабушка решил, что плодами упражнений дядюшки не грех будет украсить библиотеку.

Одним словом, теперь это было целое королевство мечтаний, отданное Лизе на два долгих месяца. Более того, девушку никто и не искал... Да, так и есть, тогда уже смеркалось, она уснула прямо над книгой в огромном кресле. Шумело море вдалеке, собирался дождь, слегка качался огонек в лампе на столе, тикали огромные часы в углу.

— Машерочка, это был конец июня... Я еще слышала далекий-предалекий звон. Быть может, близилась полночь, а быть может, только что наступила...

— Вот умница, душенька! — Гижицкая всплеснула руками. — Во время урока я запишу, а после занятий посмотрю, какой была в то время луна.

— И сможешь объяснить, что значит мой сон?

— Я постараюсь, — собеседница Лизы пожала плечами. — Отец Димитрий много раз повторял, что толкование сновидений, все эти заговоры-наговоры — суть бесовские наваждения. Однако изучать их никогда не запрещал, считая все проявления человеческой природы, а значит, и сны тоже, отражениями борьбы дьявольского и божественного в человеке. Для того чтобы божественное поддержать, с дьявольским разделаться надо. Но «врага следует знать в лицо».

— Господин Годунов в прошлом военный, — кивнула Лиза.

— Ах, душенька... Как бы он был хорош в мундире...

— Гижицкая, дружок, да он и так хорош невыразимо. Думаю, ежели б он хоть раз появился перед тобой да Лорер в статском платье, вы бы замертво от ажитации упали.

— Быть может, и упали бы. — Гижицкая искоса посмотрела на Лизу. — Однако не у всех столь прекрасные предметы для обожания. Надеюсь, ты не хочешь тоже обожать отца Димитрия.

— Мне хватает и одного его предмета, — расхохоталась Лиза, раскрывая учебник, ибо звенел звонок к уроку. — Закон Божий столь затейлив, что на его преподавателя сил уже недостает.

Гижицкая улыбнулась в ответ и тоже опустила глаза к книге. Лиза права — предмет непрост, а чтобы привлечь внимание батюшки, надо знать его в совершенстве. Предмет, конечно... Хотя Варя с удовольствием познакомилась бы ближе и с преподавателем...